Ныне совершает святая Церковь Торжество Православия: она празднует победу над всеми еретическими заблуждениями, с которыми боролась в течение нескольких веков, в противовес каковым создала крепкий оплот истины своей на семи Вселенских Соборах, как бы на семи крепких столпах утвержденный дом, по слову Писания: *Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь*
(Притч. 9, 1). Восставшие на хранимую в Церкви истину Христову стремились то разрушить самое существо ее, догматы, как главные, основные истины веры Христовой, предначертанные в Евангелии, то лишить ее благоукрашения внешнего, особенно святых икон. И вот, когда святая Церковь в 842 году, в царствование Императора Михаила и Феодоры, восстановила не только веру во все догматы Церкви, но и почитание святых икон, начала она совершать Торжество Православия.

Многие люди совсем этого торжества святой Церкви не понимают, даже смущаются при виде его, думая, что оно дышит непримиримою ненавистью к врагам, которых Христос заповедовал любить, так они судят о защите святой Церковью своих догматов и особенно об отлучении, анафематствовании отвергающих их. Другие говорят, что не допускать почитания икон - значит только восстановлять первоначальную будто бы чистоту и духовность христианского Богопочитания. Но как глубоко и пагубно заблуждаются те и другие! Ведь первые хотят, чтобы у дерева были отсечены корни его: они требуют, чтобы Христова истина приносила миру бесчисленные плоды любви и духовных сладостных утешений, но питающие любовь корни хотят отсечь. Эти корни Христовой истины, плодоносящей миру, и есть вера с ее догматами; догматы святой Церкви суть не что иное, как лишь тончайшие разветвления корней веры; не что иное представляет собой самое тонкое богословствование святых отцов семи Вселенских Соборов.

Посмотрите, как глубоко утверждены эти корни! Они, эти корни, уходят в самую отдаленную глубину жизни веков. Ибо ведь верою, как говорит святой апостол Павел, жили и были «свидетельствованы» древние. Верою мы уразумеваем, что вся тварь «веки устроена словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое». Верою принес Авель жертву лучшую, чем Каин. Верою Енох ходил перед Богом и переселен так, что не видел смерти. Верою Ной строил ковчег и спас мир от погибели в водах всемирного потопа. Верою Авраам оставил отечество и странствовал в ожидании получить землю обетования; верою он имел от бесплодной и престарелой Сарры сына обетования Исаака; верою принес и в жертву сына возлюбленного, единородного, уповая, что Бог силен и из мертвых воскресить. Верою возрастал Моисей, затем водил народ Израильский. И недостанет времени по порядку исчислять все эти примеры людей, «верою победивших царствия, содеявших правду, получивших обетования» (Евр. 11, 33).

Все эти люди ведь веровали, что есть Бог, в Которого и мы ныне веруем, что явится Христос, Которого праотцы не видели еще, а увидели последующие, по следам веры коих идем и мы. Как в корне, скрытом в недрах земли, заключены уже зачатки, зародыши будущего растения, так точно из веры праотцев выросла наша вера, имеющая тот же корень, лишь более прежнего разветвившийся в тончайших истинах. Вера с ее догматами пускает корни свои не только в глубину веков, но и в глубочайшие недра сердца человеческого. В вере человека - скрытый корень, последнее основание его действий, чувств, помышлений. Ведь и к человеку мы относимся так или иначе, смотря по тому, как о нем думаем, и если теряем уверенность в нем, то невольно изменяем и свои отношения к нему. Не так ли и в отношении к Богу? Разве можно сравнить, например, дела, мысли истинного христианина с делами и помышлениями еврея, магометанина, язычника? Да и если взять более тонкие разветвления различных христианских исповеданий, разве не заметим коренной разницы между последователями их в жизни?

Эта разница не всегда ясно бросается в глаза, но лишь потому, что у многих людей собственная вера их еще не очень глубоко пустила корни в жизнь сердца. Но посмотрите хотя бы на то, какая разница между воюющими ныне разноверными державами. Разве не обнаружила нынешняя война, как наше христолюбивое воинство ближе к истине евангельской, как оно обнаруживает постоянно подвиги точь-в-точь такой любви, даже к врагам, какая предначертана в Христовом Евангелии? А зверства наших врагов, попрание ими всех человеческих чувств, требований совести, законов Божеских и человеческих, - разве не свидетельствует все это с полной ясностью об отступлении врагов наших от истины Христовой, о том, что они живут ложной верой, что они восприняли печать «зверя», антихриста, на «чело» своих звериных помышлений и «руку десную» своих зверских деяний (Откр. 13, 16)? Как сама жизнь народов засвидетельствовала пред нашими очами всю истину православия, ложность инославия с его еретическими заблуждениями, то более упорными, то дающими возможность податься назад и снова приблизиться к православию, искать единения с Церковью православною!

Но если так пагубно отвергать догматы православия, то не безвредно, очень гибельно отвергать и внешнее благолепное украшение православной истины - святые иконы, священнодействия святой Церкви, все, в чем вера сердца, чтущего Бога, проявляется вовне. Ведь мы не можем жить полной жизнью в доме совершенно пустом, в котором одни голые стены, нет никаких вещей, обстановки, украшений, в котором негде стать, не на что сесть, не на что посмотреть, отдохнуть душой, полюбоваться. Только люди, богатые духом, как, например, Христовы подвижники, удаляющиеся иногда в пещеры и подземелья для жительства, могли жить в такой обстановке, другие же истомились бы от тоски, замерли бы душою от подобной пустоты. Так и потребности души, живущей в Боге, очень разнообразны, потому и для нее нужно иметь «прекрасную утварь», благолепное украшение святых икон, священнодействий церковных. Душа не может жить полной жизнью, если взорам ее и в доме Божием предоставляется одна пустота,

не на чем остановиться, подумать, утешиться, усладиться. Потому отвергающие святые иконы и всю благолепную внешность православия очень жестоко поступают по отношению к душе: они не чистоту первоначального будто богопочитания восстанавливают, а опустошают жизнь души, лишают ее возможности правильно жить и развиваться.

Вот почему святая Церковь так крепко держится своих догматов веры и святых икон, а отвергающих все это отлучает, подвергает анафеме. Не дух жестокого гнева и мщения дышит в этих деяниях святой Церкви, а растворенная любовью жалость врача, который режет пораженную смертоносною язвою часть тела, чтобы она не заразила всего тела. Неужели человеколюбие требует сохранить эту часть во что бы то ни стало? Не лечит ли ее врач до тех лишь пор, пока имеет надежду возвратить ей здоровье?

Так и святая Церковь только тогда отлучает еретиков от своей среды, когда все способы их духовного врачевания применены, надежды оживить отмершие части нет и вред от них для прочих частей тела Церкви усиливается до больших размеров. Если же бы заметила святая Церковь малейшую возможность возвратить утраченный член телу, она это не замедлила бы сделать. Вслушаемся в эти трогательные моления святой Церкви об обращении заблуждающихся, какими пронизан весь чин анафематствования, и мы заметим, что святая Церковь дышит лишь любовью Небесного Врача Христа, все делающего для спасения Своего Тела - Церкви (Еф. 5, 23), для спасения этого Тела заповедавшего отлучать, как язычника и мытаря, того, кто после долгих увещаний и Церковь преслушает (Мф. 18, 17).

А потому будем тщательно, как самое дорогое сокровище, хранить в недрах любящего сердца все истины, переданные святой Церковью, великие и малые! Будем возрастать под сенью святой Церкви, как под кровом родного дома, утратить который так тяжело! Будем всею душою стараться сжиться с духом и строем, господствующими в жизни святой Церкви, вдыхать непрестанно дух ее истины, питать душу ее священною благолепною обстановкой. Будем преданность святой Церкви поддерживать всегдашним от полноты сердца благодарением Господа за то, что родились и живем под сенью Церкви, повторяя слова: «Видехом свет истинный, прияхом Духа небеснаго, обретохом веру истинную, нераздельней Троице покланяемся, Та бо нас спасла есть»!

Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской

Произнесено во Владикавказском кафедральном соборе 19 февраля 1917 года. (ВлЕВ. 1917. 6. С. 158.162.)

Публикуется по книге "Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской.Творения. Книга 1. Проповеди"

источник